

Химера как символ российского могущества, или Памятник, которого нет

В иркутской геральдике главная фигура — существо по имени Бабр — крупный представитель семейства кошачьих. Есть расхождения в том, кого именовали бабром, когда Иркутску был дарован герб: какую-то разновидность уссурийского тигра, затем истреблённую, или тигров и барсов вместе взятых. В конце XVII века слова барс и тигр ещё не вошли в русский язык, а на старом городском гербе узнаваем именно тигр. Через два столетия — в конце XIX века, когда в столице утверждали «правильные» гербы для городов и губерний необъятной империи, при описании иркутского герба БАбр превратился в БОбра. Не по той

Михаил Рожанский,

историк, социолог,
научный директор
Центра независимых
социальных исследований
и образования,
кандидат философских наук,
Иркутск,
mr1954@yandex.ru

Четыре истории из жизни иркутских памятников

книжке уточнили правописание или не поняли в далёком от Азии Петербурге, о каком звере идёт речь, теперь можно только гадать, но писарь в имперской столице, исправив букву, предписал тем самым хищнику стать грызуном. Попытаться устранить недоразумение вряд ли кому-нибудь из иркутских чиновников приходило в голову: бюрократические «небеса» были почти такими же многоэтажными, как теперь, а расстояния не позволяли питать иллюзий на обратную связь — в отличие от дня сегодняшнего. В Иркутске нашли компромисс между предписанием начальства и здравым смыслом, пожертвовав последним: на гербе губернии мощного зверя лишили полос, пририсовали ему роскошный хвост, а задние лапы почему-то стали перепончатыми.

Так Иркутск обрёл символ, смыслы которого неисчерпаемы. Метафора империи и бессмысленной централизации, когда в центре «лучше знают», игры чиновничьих правил — ухищрённых и бесплодных, результатом которых может быть разве что химера. Впрочем, хотя иркутский бабр и нелеп с точки зрения зоологии, химерой его называть не хочется. Не из трепетного отношения к гербу, а потому что бабр уникален в отличие от медведей, рыб и победоносцев. Даже львы на просторах российской геральдики не в диковинку. Благодаря уникальности бабр стал для иркутян существом, можно сказать, домашним, и его место, скорее, в добрых мультиках, чем в сагах о покорении Сибири во славу московской державы. Роскошный хвост

соболя — символ сибирского богатства — в западную сторону. На гербе и флаге города Иркутска он, по-прежнему, бежит в направлении, неверном с точки зрения геральдики и имперской географии.

Вопрос о том, в какую сторону бежать бабру, приобрёл актуальность в 2007 году, когда на обсуждение был вынесен проект памятника бабру. Идея принадлежит скульптору Даши Намдакову и художнику Сергею Элояну. Для Иркутска её реализация означала бы появление в городском пространстве скульптуры неведомого зверя из семейства кошачьих, вызывающей улыбки и вовлекающей детей в игру. Во всяком случае, так выглядел первоначальный замысел, но замысел и эскизы его воплощения должны пройти через инстан-

1. Химера как символ российского могущества, или Памятник, которого нет

2. Шпиль

3. Памятник, который не у нас

4. Без шпиля

и лапы на задних лапах позволяют не замечать хищной морды, которая, впрочем, на нынешних изображениях хищной не выглядит, хотя в пасти у бабра по-прежнему придавленный соболь. Но ни в мультиках, ни в иркутских домах (если не считать самого популярного интернет-портала «Бабр.ру»), ни на иркутских улицах редкий зверь пока своего места не нашёл.

Сегодня геральдическое описание герба гласит: «В серебряном поле чёрный бабр с червлёными глазами, держащий в пасти червлёного соболя». Отдельная занимательная история о том, как бабра повернули на гербе на 180 градусов, чтобы символ российского могущества бежал в геральдически правильном направлении. На гербе и флаге Иркутской области бабр несёт

ци. В результате на градостроительном совете в июне 2007 года дебатировался, например, вопрос: если установить скульптуру в сквере на центральной городской площади, как предложили авторы проекта, то к какой из администраций (к городской или областной) будет обращена морда зверя, а к какой задняя часть его гибкого и мощного тела. Авторы, будучи людьми не только талантливыми, но и терпимыми к причудам административного мышления, предложили сделать скульптуру вращающейся. Детей и прочих вольных людей это только порадовало бы, но административные предложили найти бабру другое место — подальше от казённых.

Казусы — и тот, который породил бабра, и те, которые сопровождают его

Четыре истории из жизни иркутских памятников

сегодняшнюю жизнь — достаточно выразительно говорят как об устройстве страны в целом, так и о том, что символам трудно радовать людей, если между ними (символами и людьми) есть посредники, предприсваивающие, чему и как можно радоваться. Поэтому я и начал статью с истории бабра. Рассказать истории из жизни иркутских памятников — не самоцель. Вопросы, которые хочу исследовать: почему в городе Иркутске уличная скульптура до сих пор обречена на монументальность и почему жизнь большинства памятников почти такая же серая, как окраска тех зданий, обитатели которых всерьёз озабочены, какой частью тела к ним повернулся бабр?

Шпиль

Летом 2003 года состоялось знаковое расставание города с советской эпохой — разобрали «шпиль», визитную карточку Иркутска. Памятник со шпилем был дежурной заставкой на местных телеканалах, его фотография открывала любой сувенирный набор открыток и альбом о городе. Водрузили шпиль в начале шестидесятых на пьедестал, с которого на исходе Гражданской войны свергли фигуру императора Александра III. Пьедестал партийно-советская власть сохранила «в виду художественной ценности». До шестидесятых годов он стоял в парке, вход в который был платным — платили, конечно, не за возможность посмотреть на художественную ценность, а за танцы и прогулки по благоустроенному берегу Ангары. К шестидесятым замечательную решётку, окружавшую парк, сняли, как и другие заборы в центре города, парк превратился в набережную, главное место гуляний, а постамент в «недопамятник». Решение водрузить шпиль резко изменило его статус. Модифицированный монумент потеснил в наборе открыток прежние, вполне советские, визитки Иркутска — памятник Ленину, изящную конструкцию моста над могучей Ангарой.

Вопреки идеологии на памятнике оставался двуглавый орёл. Памятник был поставлен к приходу в край Транссибирской магистрали, а орёл как почтальон для

особо важных и срочных вестей принёс в когтях указ о прокладке Великого сибирского железнодорожного пути. На открытки птица попадала только в профиль. Фотографы поступали, как художник из восточной притчи: изобразив в профиль своего одноглазого и однорукого владыку, тот сохранил как объективность, так и собственную жизнь. Фотографы жизнью, конечно, не рисковали, но ракурсы вынуждены были выбирать не только из эстетических соображений. Поэтому орёл лишился на снимках второй головы и выглядел уже не гербом царской России, а красивой и мощной птицей, впрочем, вполне державной. Старались при фотографировании не акцентировать внимание и на бюстах генерал-губернаторов

и была современностью. Пафос индустриального преобразования Сибири воплотился тогда в гигантских плотинах, эстетике которых вполне соответствовал шпиль. «Бетонность» и масштабность, обретённые старым памятником благодаря шпилью, являлись знаком поступи исторического прогресса, а это было важно не только людям из органов власти, утвердившим проект, но и многим жителям Сибири, почувствовавшим благодаря газетам, телевидению, поэтам и композиторам, что живут в эпицентре исторических свершений.

Иркутский шпиль — один из лучших имперских памятников в стране. Он более лаконичен, чем «тысячелетие России» в Новгороде или Екатерина Великая

Сперанского и Муравьёва-Амурского, установленных в нишах. Крупным планом снимали только западную грань постамента, откуда мужественно взирает атаман Ермак — это был второй стандартный ракурс для официальных фото. Народный герой годился и для монархического памятника, и для советских открыток.

Монарший орёл вполне органично смотрелся у подножия советского шпиля — будто присел под скалой или на корабельной сосне. А для атамана и государственных деятелей, увековеченных в пьедестале, шпиль был метафорой высоких дум, устремлённых в геополитические небеса. Шпиль придал памятнику масштабности и современности. Впрочем, масштабность в шестидесятые годы

в Петербурге, и достаточно красноречив, чтобы явить богатство и многоликость имперской семантики. Шпиль органично вписался в семантическое поле монумента, насыщенного смыслами, и удачно восполнил свергнутого с пьедестала императора, поскольку главные смыслы имперской истории — размах и свершения. Считалось даже, что проект предусматривал мраморную облицовку, а шпиль остаётся «недостроен», то ли на плитку не осталось денег, то ли побоялись перегрузить гранитный пьедестал. Возможно, просто решили сэкономить — сооружение выглядело внушительным и без дополнительных затрат.

Не слишком резал глаз даже диссонанс между тёмно-серым бетоном шпиля

и красным гранитом пьедестала: на чёрно-белых фото он скрадывался, на цветных ретушировался, «вживую» воспринимался как временное недоразумение. Впрочем, и это находится в семантическом поле империи: любой диссонанс между замыслом и жизнью принимается как временный изъян, неизбежный при свершениях, главное — есть замысел и есть масштаб. Когда шпиль демонтировали в 2004 году, и публика увидела, что он — полый, для многих горожан это оказалось сюрпризом.

Одна из иркутских газет сообщила 1 апреля 2008 года с первой полосы: «Шпиль вернут на прежнее место». Первоапрельская выдумка журналистов стала, что редко бывает, реальным

Четыре истории из жизни иркутских памятников

розыгрышем — новость перепечатывали и после Дня смеха, был читательский резонанс. Мысль о возвращении монументу прежнего облика была принята близко к сердцу и с пониманием. Памятник со шпилем был любим, ему прощали разноречивой в материале и награждали «домашними» прозвищами. За что? Во-первых, как визитка Иркутска он был непохож на визитки других городов. Во-вторых, органично соединял историю и современность. В-третьих, около него назначались свидания — деловые, романтические, традиционные, и поэтому в личных историях, в повседневной жизни он значил не меньше, чем в исторической памяти. В-четвёртых, он не перестал быть историческим, не растерял исторические смыслы.

Можно назвать и в-пятых, и в-шестых, но каждый аргумент будет подтверждать, что памятник стал чем-то значительно большим, чем памятник.

Иркутск — город имперский. Он был, де-факто, восточной столицей империи два столетия назад, а в середине двадцатого века оказался в эпицентре амбициозных проектов империи. Но в имперском существовании кроме амбиций и произвола власти, возникают и некоторые особенности характера подданных. Сочетание несвободы с просторами порождает стремление развернуться, поэтому так неустанно звучит ода вольности и в большой литературе, и в застольных песнях. Поэтому человеку греет сердце причастность к великим планам, и ищет он в неосвоенных краях не только земных благ и самостоятельности, но и цель жизни, и предмет гордости. Иркутский шпиль воспевал просторы и покорение просторов одновременно, соединял державную Россию — царскую и советскую — с «вольной Сибирью». И при этом не заострял внимание на подданстве.

Летом 2004 года на постамент вернули Александра Третьего — копию статуи, которая стояла до революции. Монумент остался символом свершений и вновь связал свершения с подданством. Тема свершений преобладает в спектре исторических смыслов, которыми наделяются места памяти в Сибири, и свершения, как правило, призваны напоминать о подданстве, поскольку являются частью большой истории, а в России большая история неотрывна от верховной власти, которая собственно и полагает себя источником свершений. Казалось бы, всё вернулось к первоначальному замыслу скульптора и заказчика.

Памятник менял не только облик, но и имена. Последние сорок лет его именовали в обиходе «шпилем», а более официально — «памятник первопроходцам». Оба имени стали неуместными, и с названием возникла проблема — его ещё предстоит обрести, когда возникнет определённая смысловая, исчезающая при смене стройного обелиска, пустота которого не замечалась, на грузную императорскую фигуру.

«Антон Павлович в Томске глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и ни разу не читавшего Каштанки». Скульптор Л. Усов. Томск

Памятник, который не у нас

Все, кто учился в советской школе, знают, что «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Каждый иркутянин помнит ещё одну цитату из Антона Павловича: «Иркутск... город интеллигентный, почти Европа». И в других городах, которые были лаконично охарактеризованы А.П. Чеховым во время сахалинского путешествия, соответствующие строчки превращены в афоризмы. Кроме Иркутска повезло Красноярску — на берегах Енисея у столычного писателя было хорошее настроение, и он предсказал бурное будущее краю. До этого в Тюмени и в Томске ирония не то чтобы изменяла Антону Павловичу, она доходила до ядовитого сарказма. Тем не менее и в этих местах великого писателя постоянно цитируют — подчёркивают масштаб произошедших изменений, либо, напротив — их отсутствие.

Фраза о прекрасном в человеке звучала как императив рядом с «Моральным кодексом строителя коммунизма» — советская риторика воспитания «нового человека» законно выступала наследницей идеалов русской интеллигенции и великой литературы. Слова в цитате из чеховской пьесы «Дядя Ваня» незаметно менялись местами. «В человеке должно

быть всё прекрасно», — брюзжал подвыпивший доктор Астров, пытаясь уберечь себя от чар влюблённой в него дамы. «Всё должно» прибавило категоричности — брюзжание сменилось на дидактическое предписание. Фразу переименовало советское (или учительское — в чём-то это синонимы) сознание, и указание должно было, конечно, звучать из уст беспорочного классика, а не его противоречивого героя.

Замечание об интеллигентности Иркутска цитируется как бессрочное рекомендательное письмо — оно тоже из великой литературы. Чехов отнюдь не был певцом империи («Всё просахалинено!», — бросил он с каторжного острова по поводу увиденной им по пути на остров страны). Для иркутян или красноярцев, принимавших его в 1890 году и цитирующих его на туристических сайтах в 2008 году, он — не тридцатилетний путешественник, имеющий, как и все, право на выражение впечатлений, а человек с «большой земли», поддержавший чувство причастности к ней, автор необходимой оценки «свыше».

К 400-летию Томска скульптор Леонтий Усов изваял памятник «Антон Павлович в Томске глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и ни разу не читавшего Каштанки». И этот Чехов изрядно помогает томичам и приезжим «выдавлять из себя по каплям раба». В сегодняшнем Иркутске подобный памятник представить невозможно: живые отношения с памятью придавлены монументами, знаки причастности к «большой истории» не столько связывают с ней, сколько напоминают — «причастны»! Пространство коллективной памяти пропитано «в нагрузку» к истории риторикой воспитания, а потому Антон Павлович отдельно, а мужики, да и каштанки отдельно. Впрочем, в Иркутске нет никакого памятника Чехову, и даже возникли неясные проблемы с мемориальной доской. Великая литература среди городских памятников представлена Горьким. Алексей Максимович не дошёл и не доехал до Иркутска, но он приветил и поощрил «Базу курносых» — кружок иркутских пионеров, мечтавших стать писателями.

Четыре истории из жизни иркутских памятников

Без шпиля

Вернёмся к главному иркутскому памятнику. В вертикально выстроенной стране всегда что-то должно быть главным.

Если сибиряков объявить нацией, то для пьедестала будут избраны три национальных сибирских героя: Ермак, Сперанский, Муравьев-Амурский. Атаман Ермак возглавлял казаков в дерзком и успешном нападении на ставку сибирского татарского ханства, и с этой битвы принято отсчитывать «освоение Сибири», несмотря на то, что первый острог за Уралом через четыре года поставили уже совсем другие люди, а поселения промышленников и купцов с русского Севера возникли на сибирских реках до битвы Ермака с Кучумом. Михаил Сперанский — первый из сибирских губернаторов, кто внимательно проехал по главным сибирским городам, чтобы уяснить положение вещей. «Положение вещей» с управлением сибирскими городами и землями оказалось в состоянии плачевном: всех томских чиновников следовало отдать под суд, а красноярских — повесить. Так во всяком случае писал Сперанский, пока не доехал до Иркутска. Иркутский произвол оказался самым сильным и действенным впечатлением. В нашем городе Сперанский понял, что единственная возможность спасти Сибирь для империи — выстроить чёткую «вертикаль власти» (пользуясь термином российского чиновничества), и предложил ряд радикальных реформ, которые должны были сделать управление более эффективным.

Если поставить фантазию на службу городскому патриотизму, то можно доказать, что из этих предложений вырос через несколько лет проект «николаевская Россия», а в начале нынешнего века — путинские административные реформы. Впервые в России главной задачей либерала и реформатора оказалось, как это потом происходило и с другими российскими либералами, — спасти империю. Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев дипломатическими средствами расширил пятно России на карте гораздо больше, чем удавалось

кому-либо из российских полководцев, и получил в благодарность за это титул графа Амурского, а империя продолжила неудержимо наращиваться, не успевая обустроить те земли за Уралом, которые уже накрывала своей властью.

В каждом из трёх мужественных лиц, удостоенных украшать пьедестал, две ипостаси — национальных сибирских героев и слуг государевых. Но памятник, установленный в монархической России, и памятник, восстановленный в России постсоветской — разные памятники, даже если нынешний — копия прежнего. Ермака, Сперанского и Муравьёва уже невозможно воспринимать как слуг государевых, удостоенных украшать пьедестал императора — они были свершителями и геополитиками на том, пресоветском памятнике. Их символический капитал, пользуясь лексикой социологов, явно значительней, чем у монарха. Кроме прочего, они — «свои», а Александр III и в Сибири никогда не бывал¹. Поэтому «памятник царю» слышится как ироничное снижение. Памятник императору? С какой стати?! Памятник империи? Безусловно. Но если памятник империи и имперской политике, то другой вариант названия — «Благодарная Сибирь», выложенный крупно на постаменте, — звучит ещё более иронично. Во всяком случае, рождает вопрос, а от какой именно Сибири вынесена благодарность. И могут ли слуги государевы быть национальными героями Сибири, стоит ли называть сибирских героев государевыми слугами?

Самое точное сегодня именование памятника — простая констатация, что сооружён он в честь прокладки Транссиба. Ермак и Муравьёв — законные соавторы Транссиба, поскольку Транссиб был проложен в той же логике продвижения на Восток, в которой они действовали — он привязывал уже занятые земли и обеспечивал доступ к богатству новых. И Сперанский на месте, поскольку Транссиб обеспечивает «вертикаль

власти» в огромной стране². Транссиб — самый мощный экономический фактор, определяющий сибирскую жизнь и, во многом, развитие России. Будучи позвоночным столбом индустриализации и урбанизации Сибири, транссибирская магистраль не стала основой для органичной интенсивной модернизации. Иначе говоря, логика продвижения на Восток не сменилась логикой налаживания жизни.

Памятник остаётся главным иркутским памятником, городская идентичность — идентичностью имперской. Полвека назад она выражалась в причастности к свершениям русско-советской империи, сейчас — в ощущении провинциальной столицы, судьба которой зависит от высочайших решений, и месте на редких дорогах огромной империи.

Дебатов по поводу восстановления до-революционного памятника в Иркутске не было, но пока помнится советский шпиль, их противопоставление делает памятник живым местом памяти. В этом противопоставлении воплощено противоречивое положение Сибири как части империи: она неотъемлема от России, но обречена на периферийность. Поэтому так значимы места памяти о том, что история империи без нас не обойдётся.

Будет ли памятник живым, когда забудется шпиль? Предвидеть невозможно, но он достаточно богат, чтобы обрести мифами, смыслами и именами. Останется ли он визитной карточкой Иркутска? Сказать трудно — Иркутск на развилке, изменения неминуемы, и они происходят. Если вместо императора, придавшего художественно ценный постамент, визитной карточкой города станет какой-то иной памятник, то это будет знаком изменения в судьбе города.

² Неслучайно именно борьба за Транссиб стала мощным импульсом разжигания Гражданской войны, а исход этой борьбы был во многом решён контролем за Транссибом. Все утопические проекты переноса столицы также выбирают между городами на Великом сибирском пути. Самый утопичный из них — сделать столицей отрезок Транссиба, или распределив центральную власть по нескольким городам, или рассадив по специально оборудованным экспрессам — выглядит и самым логичным.

¹ Кстати, тоже были дебаты, куда должно быть обращено лицо императора — к городу или, напротив, к воплощённому замыслу, т.е. к железной дороге. Решили установить взором к востоку, по ходу движения поезда из столицы.